

Раньше она думала, что это связано с полом, но после того как Кэ Цинъюнь сказала: «Мне больше нравится быть ближе к девушкам», за эти годы ничего не изменилось.

Любовь к девушкам стала свершившимся фактом, а такие вещи, как замужество и рождение детей, больше не имели отношения к Кэ Цинъюнь. Кань Гуанцинь не питала надежд, но всё же хотела, чтобы рядом с Кэ Цинъюнь появился кто-то. Люди — существа социальные, и когда рядом есть кто-то, можно хотя бы поболтать за ужином, почесать спину, если чешется, и обсудить важные вопросы.

Видеть её всегда одной было для матери невыносимо грустно.

— Ты любишь девушек, но, возможно, тебе неудобно об этом говорить? — спросила Кань Гуанцинь, беспокоясь, что Кэ Цинъюнь испытывает внутренние сомнения, ведь любовь к своему полу — это всё же редкость.

Кэ Цинъюнь:

— Что тут такого?

— Ты уже кому-то рассказывала?

Пальцы Кэ Цинъюнь на мгновение замерли, она подняла глаза, скользнула взглядом по комнате и медленно произнесла:

— Такие вещи нужно говорить, когда встретишь того, кто тебе нравится. С другими это обсуждать бессмысленно, они всё равно не поймут.

— Ну, я именно это и имела в виду, — сказала Кань Гуанцинь. — Девочки обычно застенчивы и редко проявляют инициативу, но кто-то должен сделать первый шаг, иначе всё может пройти мимо.

Кэ Цинъюнь поняла намёк и тихо засмеялась:

— Мама, что ты хочешь сказать?

Кань Гуанцинь фыркнула, с долей досады посмотрела на дочь и кивнула в сторону спальни:

— Цзин Хуань — это та самая девушка с фотографии, да?

— ...Да, — ответила Кэ Цинъюнь с набитым ртом, поэтому её слова прозвучали неразборчиво.

Кань Гуанцинь опустила голову и с улыбкой произнесла:

— Как же сильно люди меняются с возрастом. Если бы не та странная атмосфера между вами, когда она приходила ко мне, я бы даже не подумала в этом направлении.

— Она на самом деле не сильно изменилась, — равнодушно сказала Кэ Цинъюнь.

Кань Гуанцинь:

— А что сейчас происходит между вами?

— Что ты имеешь в виду?

Кань Гуанцинь слегка ударила дочь:

— Не притворяйся.

Кэ Цинъюнь сжала губы:

— Дай мне сначала доесть.

Её поведение явно не говорило о взаимности. Кань Гуанцинь нахмурилась, задумалась и, наконец, кивнула:

— Ладно, по сравнению с Цзин Хуань, ты, конечно, немного старше, но в остальном всё в порядке. К тому же, с возрастом приходит опыт, ты лучше умеешь заботиться о других.

Её тон напоминал разговор о сватовстве, где взвешивают все плюсы и минусы. Кэ Цинъюнь слегка кашлянула:

— Мама, я уже взрослая, дай мне самой разбираться с чувствами.

— Если бы ты действительно могла с этим справиться, ты бы не была одна столько лет, — вздохнула Кань Гуанцинь. — Если я не буду вмешиваться, ты и к сорока останешься одна.

Кэ Цинъюнь горько улыбнулась:

— Ты уверена, что я не найдёныш?

— Не шути, я говорю серьёзно, — сказала Кань Гуанцинь, обеспокоенная. — Цзин Хуань — моя ученица, и я не могу слишком вмешиваться в ваши отношения. Но ты должна понимать, что чувства — это не формулы физики и химии, не нужно быть слишком рациональной и строгой. Иногда нужно уметь быть гибкой. Ты иногда слишком сосредотачиваешься на деле, а не на человеке.

Кэ Цинъюнь уже почти доела и встала, чтобы убрать посуду:

— Я буду иметь это в виду, мама, не переживай.

Кань Гуанцинь посмотрела на спину дочери, затем на закрытую дверь спальни, покачала головой и тихо вздохнула.

Цзин Хуань спала в спальне беспокойно, постоянно ворочалась, но не просыпалась. Кэ Цинъюнь оставалась в спальне почти до полуночи, пока Кань Гуанцинь не позвала её:

— Уже поздно, иди спать, не сиди в спальне Цзин Хуань, дай ей отдохнуть.

— Хорошо, — ответила Кэ Цинъюнь, с беспокойством взглянув на спящую, поставила воду у кровати, поправила одеяло и вышла.

В три часа ночи Кэ Цинъюнь проснулась от звука спускаемой воды. Она открыла глаза, на мгновение застыла, затем быстро встала. Цзин Хуань только что закончила рвать, и ей стало немного легче. Она оперлась на раковину, прополоскала рот и подняла глаза, увидев своё отражение в зеркале. Она замерла.

Это было не её жильё.

— Тебе лучше? Голова ещё кружится? — дверь была приоткрыта, Кэ Цинъюнь постучала в дверь ванной. — Я вхожу.

Цзин Хуань вздрогнула, обернулась и увидела, как Кэ Цинъюнь с чашкой горячей воды приближается к ней:

— Выпей воды, желудку станет легче.

— Где это? — Цзин Хуань уже почти протрезвела, но не понимала, где она находится.

Кэ Цинъюнь сказала:

— У меня дома.

— А Сы Яо? — Цзин Хуань подняла глаза, в её взгляде была растерянность.

Услышав чужое имя после того, как она провела с ней почти всю ночь, Кэ Цинъюнь сразу же изменилась в лице. Она крепко сжала чашку, и её голос стал резким:

— Не знаю.

Цзин Хуань слегка удивилась, опустила голову и полезла в карман за телефоном, но его не было. Она снова подняла глаза на Кэ Цинъюнь.

— Твой телефон выключен, — Кэ Цинъюнь отвела взгляд. — У меня другой разъём для зарядки, твой телефон не заряжается.

Цзин Хуань издала неопределённый звук, моргнула, вспомнив, что перед ужином Сы Яо сказала ей, что если всё закончится рано, они пойдут на ночной рынок. Но как она оказалась в доме Кэ Цинъюнь, её телефон выключен, и Сы Яо, наверное, уже начала беспокоиться.

— Тогда я пойду, — сказала Цзин Хуань.

Кэ Цинъюнь схватила её за руку, повернулась и загородила дорогу:

— Уже так поздно, на улице холодно, останься здесь, утром пойдёшь.

— Не нужно, — Цзин Хуань вырвала руку, вежливо склонила голову и обошла Кэ Цинъюнь. — Простите за беспокойство.

— Ты всё ещё злишься на меня? — Кэ Цинъюнь повернулась, её взгляд был пронзительным. Раньше она тоже была с ней вежлива, но хотя бы могла нормально разговаривать. Сейчас всё иначе, она даже не смотрела на неё.

Цзин Хуань остановилась, держась за ручку двери, и обернулась:

— На что я должна злиться? — Независимо от того, как она оказалась в доме Кэ Цинъюнь, теперь она проснулась и уходит, чтобы не создавать больше неудобств. Это было совершенно нормально.

Кэ Цинъюнь:

— В тот день в больнице я...

— Госпожа Кэ, вы слишком много думаете, — услышав слово «больница», Цзин Хуань почувствовала головную боль. Она вздохнула и встретилась взглядом с Кэ Цинъюнь. — Это действительно была моя ошибка, что с госпожой Су произошёл несчастный случай. Вы не виноваты, и вам не нужно столько раз извиняться.

Кэ Цинъюнь сжала губы, не находя слов. Все эти дни, независимо от того, как она извинялась — лично или по сообщениям, Цзин Хуань отвечала одно и то же. Самое обидное было то, что она не могла найти аргументов, чтобы возразить.

Видя, как Кэ Цинъюнь нахмурилась, Цзин Хуань отпустила ручку двери. После всего, что произошло, она уже многое отпустила:

— Госпожа Кэ, я знаю, что вы добрый человек, ко всем относитесь хорошо и никому не отказываете. Но я уже отпустила ту ситуацию, вам не нужно постоянно чувствовать себя виноватой из-за того, что вы отказали мне, и проявлять ко мне особое внимание, как будто вы действительно заботитесь.

— Как будто я забочусь? Ты думаешь, что моя забота — это просто показуха? — Кэ Цинъюнь почувствовала, как сердце сжалось от холода.

Цзин Хуань подняла глаза:

— Честно говоря, я не знаю. Каждое твоё слово, каждая улыбка — я даже не могу понять, искренние они или нет. Ты постоянно говоришь «извини», что дело с Су Яньсинь не моя вина, но скажи честно, ты действительно не винишь меня? Я допустила ошибку в твоей работе, из-за меня дочь твоего начальника попала в больницу, твой образ в глазах руководства пострадал. Когда ты увидела меня в больнице, что ты чувствовала, если не гнев?

— Я не злилась! — возразила Кэ Цинъюнь. Она была зла и обеспокоена, но её злость была направлена на ситуацию, а не на конкретного человека.

Но для Цзин Хуань это уже не имело значения. С самого начала их точки зрения были разными, как будто они находились на разных волнах и никак не могли соединиться. Кэ Цинъюнь думала, что она злится из-за случая в больнице, что она слишком резко высказалась и постоянно извинялась. На самом деле это было не так. Этот случай стал лишь последней каплей, которая помогла Цзин Хуань понять, что в чувствах не может быть места для сомнений. Личные интересы важнее всего, и она не может делиться ими с кем-то ещё.

Она была обычным человеком, у неё не было ауры главной героини. Когда она сталкивалась с чем-то или кем-то, что вызывало у неё дискомфорт, её инстинктом было бежать. Цзин Хуань больше не хотела находиться в этом состоянии постоянной неуверенности:

— Это уже не важно.

Сердце Кэ Цинъюнь сжалось так, что ей стало трудно дышать. Она хотела остановить Цзин Хуань, но её острый, обвиняющий взгляд заставил её замолчать.